

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 811.133.1'38(091)
ББК ШП47.11-03

ГСНТИ 16.21.27; 03.09.31

Код ВАК 10.02.19; 07.00.09

М. В. Шистеров
Екатеринбург, Россия

«РИМ БОЛЬШЕ НЕ В РИМЕ, ОН ВЕСЬ В ПАРИЖЕ»

АННОТАЦИЯ. Рецензия на монографию Д. Роуэлл «Париж: „Новый Рим“ Наполеона I» (London : Bloomsbury, 2012 – 237 p., I—X). Исследование выполнено в рамках междисциплинарного подхода и синтезирует достижения истории, культурологии, искусствоведения, гуманитарной географии, семиотики и политической лингвистики (на материале прессы Наполеоновской эпохи). Монография может служить полезным введением в проблематику рецепции античного наследия новоевропейской культурой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Париж; Наполеон; Античный Рим; рецепция; «Новый Рим»; римский триумф; язык власти.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Шистеров Максим Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Уральский государственный педагогический университет; адрес: 620017 г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, ауд. 451; e-mail: mshisterov@rambler.ru.

Опубликованная в 2012 г. издательством «Блумсбери» монография Дианы Роуэлл, почетного научного сотрудника Университета Кента, представляет собою современное междисциплинарное исследование на стыке истории, гуманитарной географии, культурологии, искусствоведения, семиотики и политической лингвистики [Rowell 2012]. В центре внимания автора — «ядро наполеоновской империи» — Париж как «имперский мегаполис» (imperial metropolis) [Rowell 2012: 1], присваивающий и перерабатывающий политическую символику античного Рима через специфические формы и механизмы культурной рецепции. Решение подобной задачи требует от ученого не только значительной эрудиции и методологической «подкованности», но также известной смелости: Роуэлл вполне отдает себе отчет в том, что вынуждена исследовать «трехсторонние отношения (триалектику) между Античностью, Наполеоном и более ранними переизобретениями классического Рима» [ibidem]. Поэтому, хотя автор и сосредоточена на «Новом Риме» Наполеона I, в работе остается некоторое (иногда — значительное!) место и для предшественников великого корсиканца (особое внимание Роуэлл уделяет политическому дискурсу эпохи «короля-солнца» Людовика XIV и, конечно, периоду Великой французской революции). Основываясь на разнообразных исторических источниках (картинах, медалях, архитектурных сооружениях, литературных произведениях, материалах периодической печати и т. д.), автор реконструирует убедительную картину трансформации — реальной и символической — Парижа в «Новый Рим» — признанный политический центр новой общеевропейской Империи.

Структурно сочинение состоит из 4 в известной степени самостоятельных частей: первая глава носит обзорный характер, реконструируя то, как на протяжении веков (начиная от античной Лютеции) формировался «характер Парижа» — от незначительного кельтского поселения до монументальной столицы Первой империи; вторая анализирует «язык памятников» наполеоновской столицы, уделяя особое внимание триумфальным аркам на площади Звезды (ныне — площадь Шарля де Голля) и площади Каррузель, а также знаменитой «колонне Великой армии» (Вандомской колонне); третья сопоставляет Париж-«Рим» Наполеона с Парижем-«Римом» (точнее, «Римами») Людовика XIV; наконец, четвертая анализирует «постантичный триумф», лингвистически и сюжетно сконструированный императором французов в целях собственной политической легитимации, поддержания имиджа сильного правителя и непобедимого полководца. В рамках столь «разношерстного» исследования большое значение приобретает методологических подход, который применяет ученый. Роуэлл не предлагает собственных оригинальных методологических разработок, апеллируя к теоретическому инструментарию других исследователей: философским идеям А. Лефевра (семантика «памятника») [Lefebvre 1991, 2003], наработкам Р. А. Этлина (интерпретация «символического пространства») [Etlin 1994], выводам У. Л. Мак-Дональда (концептуальное понимание древнеримской архитектуры) [MacDonald 1986] и М. Марринана (интерпретация городского «культурного ландшафта») [Marrinan 2009], трактовкам С. Костофа («город как микрокосм») [Kostof 1991].

В первой главе, которая называется «Париж: „Новый Рим“» и носит вводно-обобщающий характер, обращает на себя внимание стремление автора представить широкую ретроспективу рассматриваемой проблемы: Роуэлл ставит задачу проследить, как идея *Romanitas* получило распространение во Франции, начиная с эпохи Франсиска I (первая половина XVI в.), через правление Генриха IV, когда «„Рим“ нашел свое место во Франции», к блестящему Парижу Людовика XIV, провозглашенному «Новым Римом», и затем — к эпохе Великой французской революции и Наполеону, поднявшему это явление на «новые и беспрецедентные высоты» [Rowell 2012: 11]. Разумеется, подобная задача не может быть убедительно решена на 25 страницах текста небольшой главы, однако автору удалось показать, каким образом происходило «накопление» *Romanitas* — через переводы классических текстов (Светония, Плутарха, Ливия, Тацита и др.), археологические открытия (знаменитый Лаокоон (1506 г.), сенсационные раскопки в Помпеях — в 1812 г. было опубликовано фундаментальное 4-томное исследование Ф. Мазуа «Развалины Помпей», новоевропейскую живопись (архитектурные зарисовки Д. Б. Пиранези, городские пейзажи Д. П. Панини и пр.), переводы важнейших для понимания античной культуры сочинений И. И. Винкельмана (1784 г.) и многое другое. Ко времени Наполеона французское общество было уже достаточно «романизировано», чтобы охотно принять «творческое подражание» римским традициям. Сам будущий император был воспитан на классических сочинениях греков и римлян (автор особо подчеркивает влияние биографий Плутарха), чтобы понимать как римскую идейно-политическую традицию, так и несущий политические коннотации «язык архитектуры» Рима (большое значение сыграл знаменитый Итальянский поход революционного генерала Бонапарта в 1796—1797 гг.). Став императором, Наполеон, по мнению автора, стремился сделать Париж «ядром и витриной Империи», а Рим должен был выступать «культурной столицей и родиной великих Цезарей классической эпохи» [Rowell 2012: 22—23]. Статус Рима как «второго города» Империи был закреплен титулом, которой император французов даровал своему сыну и законному наследнику — «римский король». При этом Наполеону пришлось во многом переосмыслить опыт «римского», предложенный Французской революцией (как известно, сразу после переворота 18—19 брюмера «гражданин Бонапарт» заявил, что «революция закончилась!»

[см.: Шистеров 2005: 153—154]). Революционная эпоха очень активно эксплуатировала символику «римского», следуя в известной мере за «подавшими пример» американскими колониями, незадолго до того создавшими США — «Новый Рим» в «Новом Свете». В какой степени символика «римского» и «республиканского» была востребована Французской революцией, Роуэлл показывает на примере живописи Ж. Л. Давида: «Клятва Горациев» (1784 г.), по мнению автора, «символ революционной пропаганды» 1790-х гг. (притом что в 1785 г. эта картина воспринималась многими как «промонархическое» произведение: в быстро меняющихся политических условиях одно и то же полотно могло «прочитываться» принципиально по-разному!) [Rowell 2012: 24]. «Риторика Французской революции, — отмечал в конце XX в. в своей нашумевшей работе Р. Браг, — полнится отсылками к римской культуре, а искусство той эпохи дошло даже до обезьянничанья в подражании римской архитектуре и мебели» [Браг 1995: 24; см. также: Кнабе 2011: 55 слл.]. Выводы Роуэлл в целом подтверждают это мнение: «игра в Рим» понижала общественно-политический дискурс революционного и наполеоновского времени. Эмблематическими фигурами Революции были братья Гракхи, Катон, Цицерон, Брут (при Наполеоне их вытеснят лично симпатичный императору своими военными дарованиями Цезарь и «архитектор» Империи Август). Символы республиканского Рима сменяются символами Рима императорского: фасции и топор («римские» знаки Революции) вытеснит «римский» императорский орел! В живописи эта эволюция нагляднее всего демонстрируется творчеством великого Давида: «Бонапарт на перевале Сен-Бернар» (1800—1801 г.), «Посвящение императора Наполеона I и коронавание императрицы Жозефины в соборе Парижской Богоматери 2 декабря 1804 года» (1806—1807 гг.), «Раздача орлов» (1810 г.) [Rowell 2012: 24, 30—31]. Роуэлл приходит к выводу, что Наполеон не только активно использовал легендарные фигуры классической римской древности в своих целях, но и заимствовал у прошлого политические «тактики», способы сохранения и повышения своей репутации, создавая весьма сложный синкретичный образ правителя, в котором нашли отражение и «первый гражданин» Римской империи Август, и средневековый император Карл Великий, и «афинский олимпиец» Перикл...

Вторая глава «Памятник и монументальная ось» является своего рода развернутым комментарием к словам Амори-Дюваля: «Из всех искусств наиболее полезным является

архитектура» [Цит. по: Rowell 2012: 37]. Автор рассматривает «римские» памятники Парижа как «действенное дидактическое средство» и «визуальные заявления, в закодированном виде отражавшие политику наполеоновского режима» [Ibidem]. Роуэлл пытается соотнести «внешние» архитектурные формы французской столицы при Наполеоне с «внутренними» ментальными структурами, которые они отражали или порождали. Для этого ученый обращается к теоретическим построениям французского философа Лефевра: вскрывает «суперкодирование» (supercoding) наполеоновского Парижа через анализ «субкодов» античного наследия, «старого режима» и Революции [Rowell 2012: 38; Lefebvre 1991: 222 ff.]. Методология, к которой в данном случае прибегает исследователь, близка к семантическому анализу, как он представлен, например, в работах отечественного антиковеда, переводчика и семиотика Г. С. Кнабе (в свою очередь, восходящего к классическим идеям Ф. де Соссюра): «Как всякое научное направление, семиотика культуры исходит из присущей ей системы понятий и обозначает эти понятия с помощью присущих ей терминов. Исходной здесь является некоторая материальная величина — будь то факт природы, бытовой или производственный предмет, здание, скульптура или картина, словесный или музыкальный текст. Все они возникли в определенное время, в определенных условиях, существуют вне нас и сохраняются равными себе на всем протяжении своего существования. Будучи... воспринятыми, они перестают существовать вне нас, становятся частью нашего, человеческого, опыта и именно через это входят в сферу культуры. В этом своем качестве каждая такая материальная величина становится *означающим*. <...> Смысл не заложен в предмете как таковом, в отличие от его формы, материала, очертания или веса. Смысл меняется в зависимости от восприятия, а это последнее обусловлено тем опытом (герменевтическим фондом), который человек <...> эпоха в целом пережили и несут в себе. Такой опыт, на основе которого происходит восприятие и осмысление означающего, носит название *означаемого*» [Кнабе 2006: 115]. Роуэлл не использует термины «означающее» и «означаемое», но, в сущности, ее рассуждения, как представляется, не выходят за рамки указанной парадигмы. Исследователь восстанавливает ментальную архитектурно-символическую «ось» наполеоновского Парижа, связывающую запад и восток французской столицы: от Триумфальной арки на площади Звезды через

Триумфальную арку на площади Каррузель к Вандомской колонне, фонтану Победы (на площади Шатле) и фонтану Слона (планировался на площади Бастилии). Несмотря на то, что амбициозные планы Наполеона по архитектурному переустройству Парижа не были полностью реализованы (например, проект «грандиозной имперской мечты», «самой красивой дороги во Вселенной» — Rue Impériale), тем не менее, как показывает исследование, архитектурные памятники эпохи, даже не замкнутые в единый завершённый комплекс, оставались (в некоторой степени остаются до настоящего времени) «средством массовой информации» и эффективным способом политической коммуникации, увековечивая в сознании современников и потомков образ императора французов и его Империи. Равным образом, на что справедливо обращает внимание автор, они служили целям *damnatio memoriae*, то есть репрессивно присваивали символическое пространство города, навязывая старым локациям новые политические смыслы [Rowell 2012: 71]. «Борьба с памятью» и «борьба за память» продолжались и в постнаполеоновскую эпоху, когда «коррекции» подверглись уже сами памятники эпохи Империи. Например, возведенная в честь побед Великой армии 1805 и 1807 гг. Вандомская колонна (1806—1810 гг.) изначально была увенчана романизированной статуей Наполеона (вместо предполагавшейся по проекту статуи Карла Великого). Однако после реставрации Бурбонов в 1814 г. скульптуру императора сняли. В 1833 г. «король-гражданин» Луи-Филипп поставил новую статую Наполеона в современном (не римском!) костюме, а сменивший его у руля Франции племянник основателя Первой империи Наполеон III вновь вернул образу вандомского Наполеона антично-римский антураж (в 1865 г.). В 1871 г. памятник едва не был уничтожен по распоряжению Парижской коммуны и вновь восстановлен в 1873—1875 гг. [Rowell 2012: 63—64]. История Вандомской колонны — эмблемы наполеоновской власти — показывает, по мнению автора, до какой степени был важен «язык архитектуры» для общества, не знающего современных средств коммуникации.

Третья глава («Влияние и значение „Нового Рима(ов)“ „короля-солнца“») прослеживает связи между блестящей эпохой Людовика XIV, когда во Франции усиливается тяга к *Romanitas*, и — через противоречивый опыт Революции — эпохой Наполеона, когда в некотором смысле возрождаются традиции манипулирования антично-римскими сюжетами и образами, адаптированные «имидж-

мейкерами» «короля-солнца» (например, образы римских богов Аполлона, Марса, Геркулеса, богини Минервы, а также, конечно, Цезаря и Августа). Усиление интереса к «римскому опыту» в эпоху Людовика XIV автор связывает со сложным политическим контекстом этого длительного правления, подчеркивая, что речь должна идти не просто о подражании древним образцам или символическом отождествлении современности и классической древности (двор Людовика XIV = двор Августа, Кольбер = Меценат, комплекс Лувр — Тюильри = Римский форум и т. п.), но попытках превзойти древность: копии «должны быть более совершенны, чем древние (оригиналы)» [Rowell 2012: 90—93, 108—109]. Впоследствии Наполеон использовал многие «наработки» эпохи «короля-солнца» в целях собственной политической репрезентации и легитимации. В то же время между королем «божественным правом» и императором французов, кто всего добился сам или получил от народа, существовала огромная дистанция, измеряемая Великой французской революцией, которая по-своему использовала «римский опыт», противопоставив императорскому Риму Людовика XIV (уподобленного Нерону) республиканский Рим Брута, Катона и Цицерона. В своем исследовании Роуэлл показывает, каким образом Наполеону удалось «примирить» эти два разных Рима, унаследованные им от «короля-солнца» и революции: наполеоновский Париж был одновременно и более «римский», и более «национальный», чем столица Людовика XIV (сочетание антично-римских форм и революционно-национального содержания автор прослеживает на примере частично реализованных проектов «романизации» Парижа Д. Виван-Денона) [Rowell 2012: 118—123].

В последней, четвертой главе автор анализирует «„Римский“ триумф и язык власти» в эпоху Наполеона. Для того чтобы понять «язык власти», культивируемый в Первой империи, Роуэлл обращается к римскому триумфу как «матрице» для всех подобных зрелищ и наиболее яркому «мультимедийному событию», создающему в современном обществе «режим визуальной коммуникации», поддерживающий имидж правителя: «язык триумфа и его пост-античных аналогов являлся неотъемлемой частью физического, символического и ритуального макияжа наполеоновского Парижа» [Rowell 2012: 125]. Источниками знаний о римском триумфе в Европе начала XIX в. были сочинения Полибия, Плутарха, Светония, Варрона, римский нумизматический материал и сохранившиеся архитектурные па-

мятники классической древности (триумфальные арки Тита, Септимия Севера и Константина, победные колонны Траяна и Марка Аврелия и др.), а также «вторичные источники» позднесредневекового и Нового времени (сочинения Ф. Петрарки, политические манифестации императора Священной Римской империи Карла V, произведения Ф. Колонны и С. Серлио, живопись А. Мантенья и пр.). В 1668 г. на их основе Мишель де Пюр лингвистически «реконструировал» римский триумф, отметив при этом, что «триумф был, без сомнения, наиболее превосходным римским зрелищем» [Цит. по: Rowell 2012: 127]. Популярное описание де Пюра, по мнению исследователя, сыграло важную роль в дальнейшем процессе «пере-изобретения» триумфа Наполеоном. Император любил осовременивать «римские» традиции: вместо античной колесницы, запряженной четырьмя конями, возникла современная упряжка из двух; вместо римского скипетра и лавровой ветви триумфатора — более близкие новоевропейскому времени щит и меч! Кроме того, Роуэлл вновь обращает внимание на связь триумфальных постановок Наполеона с аналогичными мероприятиями французских королей (практика «королевского въезда» — *entrée royale*), что особенно заметно при сравнении «триумфального шествия» в 1810 г. (по случаю свадьбы императора на австрийской принцессе Марии-Луизе) с торжественным въездом в Париж в 1660 г. Людовика XIV (после свадьбы с Марией-Терезией Испанской) [см.: Rowell 2012: 130—135, 148—150]. Однако велико было и влияние Революции, также не гнушавшейся торжествами «как у римлян»: Праздник федерации 1790 г., Праздник единства и неделимости республики 1793 г., Праздник Верховного Существа 1794 г., Праздник Свободы 1798 г. (сопровождавшийся торжественным въездом предметов наук и искусств из Италии) [Rowell 2012: 137—142]. Все это объясняет, с точки зрения автора, «эгалитарную этику революции», сохранившуюся в структуре «триумфа» Наполеона. Для подтверждения этого тезиса в монографии специально анализируется описание наполеоновского «триумфа» в парижской прессе, которая уже в 1798 г. — еще до того, как Наполеон стал консулом и императором — славил «молодого генерала Бонапарта» как «нового героя», уподобляя его римским полководцам-триумфаторам (например, покорителю Македонии Эмилию Павлу) и одновременно противопоставляя и старому монархическому режиму, и развенчанным героям Революции (вроде М. Робеспьера). Роуэлл прослеживает, как изменялись тон и стили-

стика прессы в эпоху консульства и империи на примере публикаций «Монитора», «официальной газеты режима» и «основного инструмента наполеоновской пропаганды». Новая имперская риторика все более дистанцируется от «республиканского триумфа»: место «граждан» и «нации» как главных фигур триумфального действия занимает «квазимифическая» фигура триумфатора — «Великого Наполеона». Наполеоновский триумф после Аустерлица, приводит к выводу автор, становится более схож с триумфом Людовика XIV! Сильно поредевшие за годы Империи средства массовой информации усиленно создавали образ Наполеона как «исключительного существа», «современного героя» и «строителя империи» — «нового Августа» [Rowell 2012: 147—149, 156 ff.].!

Таким образом, основной вывод монографии сводится к утверждению о наличии мощной символической связи (которая обычно игнорируется) между «старым режимом», революционной эпохой и Наполеоном. Император соединял традицию, заимствованную у Людовика XIV, с языком Революции: «...римский мир был использован в качестве объединяющего языка», сшивающего разрыв между королевской и республиканской Францией, противоречивые идеологии «монархической автократии» и «республиканского фанатизма».

В завершение отметим, что у исследования Роуэлл, разумеется, есть и недостатки. Однако недостатки работы в данном случае являются во многом следствием ее достоинств. Поставив ряд сложных проблем, требующих междисциплинарного подхода, и, таким образом, вторгнувшись на территорию сразу нескольких научных дисциплин, автор изначально рисковала «не вписаться» в строгие «квалификационные рамки» акаде-

мической науки (впрочем, такая академическая «строгость», сколько можем судить, более характерна для отечественной, нежели зарубежной традиции). Кроме того, нельзя отрицать, что некоторые выводы исследования слишком поверхностны или недостаточно аргументированы... Тем не менее, по нашему мнению, монография Роуэлл представляет значительный интерес как пример современного междисциплинарного исследования и может служить хорошим введением в сложную проблематику культурной рецепции антично-римского наследия в Европе Нового времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Браг Р. Европа, римский путь : пер. с фр. — Долгопрудный : Аллегро-Пресс, 1995.
2. Кнабе Г. С. Древо познания и древо жизни. — М. : РГГУ, 2006.
3. Кнабе Г. С. Европа с римским наследием и без него. — СПб. : Нестор-История, 2011.
4. Шистеров М. В. Рецепция античного наследия в социокультурных условиях Первой империи во Франции // Запад, Восток и Россия: вопросы всеобщей истории: проблема исторического и историографического источника. — Екатеринбург, 2005. Вып. 7. С. 151—157.
5. Etlin R. A. Symbolic Space: French Enlightenment Architecture and Its Legacy. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1994.
6. Kostof S. The City Shaped. Urban Patterns and Meanings through History. — London : Thames and Hudson, 1991.
7. Lefebvre H. The Production of Space. — Oxford : Blackwell, 1991.
8. Lefebvre H. The Urban Revolution. — Minneapolis, MN : Univ. of Minnesota, 2003.
9. MacDonald W. L. The Architecture of the Roman Empire II: An Urban Appraisal. — New Haven : Yale Univ. Pr., 1986.
10. Marrinan M. Romantic Paris: Histories of a Cultural Landscape, 1800—1850. — Stanford : Stanford Univ. Pr., 2009.
11. Rowell D. Paris: The 'New Rome' of Napoleon I. — London : Bloomsbury, 2012.

M. V. Shisterov
Ekaterinburg, Russia

«ROME IS NO LONGER IN ROME, IT IS ALL IN PARIS»

ABSTRACT. This is a review of the book "Paris: The 'New Rome' of Napoleon I" by D. Rowell (London : Bloomsbury, 2012 – 237 p., i-x). This book is a multidisciplinary study which synthesizes the achievements of history, culture, art, humanitarian geography, semiotics and political linguistics (on the material of mass media of Napoleon's era). The book may serve as a useful introduction to the problem of reception of the ancient cultural heritage into the new European culture.

KEYWORDS: Paris; Napoleon; Ancient Rome; reception; "New Rome"; Roman triumph; language of power.

ABOUT THE AUTHOR: Shisterov Maksim Valerievich, Candidate of History, Associate Professor of Department of General History, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

LITERATURE

1. Браг Р. Европа, римский путь / Пер. с фр. Долгопрудный : Аллегро-Пресс, 1995.
2. Кнабе Г. С. Древо познания и древо жизни. М. : РГГУ, 2006.
3. Кнабе Г. С. Европа с римским наследием и без него. СПб. : Нестор-История, 2011.
4. Шистеров М. В. Рецепция античного наследия в социокультурных условиях Первой империи во Франции // Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории:

Problema istoricheskogo i istoriograficheskogo istochnika. Vyp. 7. Ekaterinburg, 2005. S. 151-157.

5. Etilin R. A. Symbolic Space: French Enlightenment Architecture and Its Legacy. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1994.

6. Kostof S. The City Shaped. Urban Patterns and Meanings through History. L. : Thames and Hudson, 1991.

7. Lefebvre H. The Production of Space. Oxford : Blackwell, 1991.

8. Lefebvre H. The Urban Revolution. Minneapolis, MN : Univ. of Minnesota, 2003.

9. MacDonald W. L. The Architecture of the Roman Empire II: An Urban Appraisal. New Haven : Yale Univ. Press, 1986.

10. Marrinan M. Romantic Paris: Histories of a Cultural Landscape, 1800-1850. Stanford : Stanford Univ. Press, 2009.

11. Rowell D. Paris: The 'New Rome' of Napoleon I. L. : Bloomsbury, 2012.